

За ужином занятый делами глава семьи Жун был недоступен, за столом его не было видно. Я один доел ужин и, оттолкнув руку охранника, настоял на том, чтобы подняться наверх самому.

Эта нога была тонкой и длинной, с дряблыми мышцами, не таким, как мне нравится. Но по крайней мере... обе ноги были целы.

Встав, я оперся на лестницу, стиснул зубы, подавив волнение, и медленно сделал шаг.

Сначала колено, затем голень, наконец вся стопа. Сила передавалась от поясницы вниз, как электрический ток, проходя через бедро, голень, стопу и уходя в землю.

Десять лет... десять лет я не чувствовал радости ходьбы. То, что обычные люди делают с легкостью, я считал уже недостижимым.

В тот момент, когда стопа коснулась ступеньки, я вздрогнул, словно от удара током.

Передо мной была давно забытая радость, но я не мог насладиться ею в полной мере. Это тело, все еще ослабленное после пулевого ранения, а внутри — душа, еще не полностью освоившая способность ходить. Я не мог даже просто перенести вес на поясницу, чтобы поднять все тело на следующую ступеньку.

К счастью, охранник вовремя подхватил меня, чтобы я не упал на пол.

— Я хочу в комнату.

Эти ноги... всему свое время. Однажды я смогу ходить, прыгать, даже бегать, как раньше.

Этот ребенок действительно был очень увлечен книгами.

После душа я взял одну из книг, лежавших на прикроватной тумбочке.

Это была обычная книга о человеческом теле. Однако, открыв ее, я был удивлен. Письмо четырнадцатилетнего ребенка еще сохраняло детскую неуверенность, но сила нажима пробивала бумагу насквозь, что придавало тексту упрямый характер. Пролистывая страницы, я заметил простые заметки на полях.

«Иммунная реакция организма в нормальных условиях полезна, например, для борьбы с инфекциями; но в некоторых случаях может привести к неблагоприятным последствиям, таким как аллергические реакции».

«Анаэробные упражнения могут поддерживаться только в течение короткого времени».

«Существует два типа фоторецепторов: палочки и колбочки».

...

Несмотря на простоту заметок и почерка, сила, с которой они были написаны, придавала тексту серьезность и упорство.

Неужели он тоже пытался сопротивляться?

Сопротивляться судьбе наследника большой семьи, обязанностям, навязанным ему, всему, что он был вынужден делать против своей воли?

За дверью раздался очень тихий глухой звук.

Я насторожился, прислушался.

Звукоизоляция в комнате была отличной, и кроме этого звука больше ничего не было слышно.

Однако интуиция, выработанная за более двадцать лет руководства семьей Гу, подсказывала мне, что за дверью, возможно, царит хаос.

Я положил книгу, выключил единственный включенный светильник, отдернул шторы и отодвинул кровать, создавая впечатление, что я выпрыгнул в окно, затем в темноте добрался до шкафа и спрятался там.

Я все еще не мог полностью управлять вновь обретенной способностью ходить, и путь в темноте был полон спотыканий. Я наткнулся на угол кровати, затем на шкаф, и наконец укрылся внутри. Нога с пулевым ранением особенно мешала, и я слегка потянул рану, которая теперь начала ныть.

Раздался еще один глухой звук у двери. На этот раз он был громче и короче, словно кто-то намеренно стучал, но был прерван. Похоже, что... визитер не с добрыми намерениями.

Черт, забыл поискать в комнате оружие!

Я огляделся, в шкафу не было ничего острого, не говоря уже о настоящем оружии. Уставившись на одежду перед собой, я схватил несколько вешалок, закрыл дверь шкафа и прижался к задней стенке.

Вскоре я услышал, как дверь тихо открывается.

Я напрягся, собрав все силы, словно сжатая пружина, и крепко сжал вешалки. Я не сводил глаз с двери шкафа.

Шаги были быстрыми и уверенными, человек направился прямо к моей кровати. Там никого не было.

Он обошел комнату и направился прямо к шкафу.

У меня ёкнуло сердце.

В ванной было просто, но там был шкафчик, где мог спрятаться четырнадцатилетний ребенок. Когда я принимал душ вечером, я заметил, что шкафчик был переполнен, и за такое короткое время я не смог бы ничего там убрать и спрятаться.

То, что он сразу прошел мимо ванной, могло означать только одно: он очень хорошо знал эту комнату и понимал, что я не мог спрятаться там.

Без оружия, с раненой ногой, и единственное, что у меня было для защиты, — это несколько вешалок... Впервые за две жизни я оказался в такой унижительной ситуации. Эти проклятые большие семьи никогда не дают покоя!

Я был так зол, что едва мог говорить. Ярость горела в груди, и я стиснул зубы, ожидая возможности выместить злость на том, кто осмелился напасть на меня ночью.

Его шаги остановились прямо перед тем местом, где я прятался.

Я мгновенно напрягся.

Раздался звук скольжения механизма, затем я почувствовал, как спина освободилась, и моя шея была схвачена!

Первой мыслью, которая промелькнула в голове, было: он действительно знает каждую деталь моей комнаты. Даже я, хозяин этой комнаты, не знал, что боковая стенка шкафа может сдвигаться вверх!

Он вытащил меня, держа за шею, и его пальцы сжали мое горло.

Это снова подтвердило, что он не только хорошо знает мою комнату, но и оригинального владельца этого тела.

Оригинал любил биологию и точно знал, насколько важно место, которое он сейчас сжимал. Даже если сейчас в этом теле был я, мне пришлось бросить вешалки под его ядовитым взглядом.

Прожив две жизни и однажды умерев, я, конечно, понимал ценность жизни.

— Молодой мастер, не волнуйтесь, я просто хочу, чтобы вы прошли со мной немного.

Его голос был низким и казался искренним, но, учитывая, что его рука все еще сжимала мое горло, это звучало, мягко говоря, неубедительно.

Я тихо усмехнулся.

Он явно был ошеломлен моей усмешкой и на мгновение замер.

Видимо, прежний молодой мастер семьи Жун не был способен на такую презрительную усмешку.

Его оцепенение длилось лишь мгновение, затем он скрутил мне руки за спину, а другой рукой снова схватил меня за горло, по-прежнему точно контролируя дыхательные пути. Он поднял меня, держа за руки, и мои ноги повисли в воздухе. Суставы рук болезненно ныли.

Сначала он действовал сдержанно, но теперь уже не сдерживался.

Такая перемена могла говорить только о его глубоком беспокойстве.

— Вы действительно мастера своего дела! Я думал, что новички так легко решаются... Вы, вы...

Он явно был в ярости, слова с трудом вырывались изо рта, он несколько раз повторил «вы».

— Он, отец, может быть жестоким, но ты, сын...

Он раздраженно повел меня наружу, продолжая бормотать и бросая настороженные взгляды по сторонам.

Под его голос я вдруг услышал щелчок курка. Звук был очень тихим, так как пистолет был с глушителем, но я слышал его слишком много раз в прошлой жизни, чтобы не узнать.

Человек, державший меня, тоже с опозданием понял это.

Все происходило как в замедленной съемке.

Услышав этот звук, я мгновенно замер, словно мои суставы наполнились свинцом. Пуля была направлена не в меня, но я был так близко к этому человеку, что легко мог быть задет. Единственное, что я мог сделать, — это не двигаться. Мое тело уже инстинктивно отреагировало.

Человек за моей спиной тоже замер, и в следующее мгновение он повернулся на звук.

Я, оказавшийся перед ним, стал живым щитом.

Раздался глухой звук, похожий на треск арбуза, сопровождаемый легким хрустом костей.

<http://bllate.org/book/16596/1516559>